

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:323(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077

ИНДОНЕЗИЯ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

Алексей Юрьевич ДРУГОВ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: Национальное и социальное развитие индонезийского общества в мультиэтническом и мультиконфессиональном государстве характеризуется неравномерностью, по крайней мере, в четырех измерениях. Первое – существенный и углубляющийся разрыв в материальных достояниях различных слоев общества. Второе – различие в уровнях социального расслоения в городах и сельской местности. Третье – разница в уровнях жизни и социального обеспечения в различных регионах страны. Четвертое – разрыв в экономических позициях этнических общин. Эти явления часто переплетаются между собой.

Результатом этого процесса становится дискредитация единственной разрешенной в стране государственной идеологии, где одним из пяти принципов значится социальная справедливость для всего индонезийского народа, и рост исламского радикализма, что угрожает целостности мультиконфессионального индонезийского государства.

Ключевые слова: социальное расслоение, государственная идеология, социальные слои, этнические общины, исламский радикализм, уровень бедности, крайняя бедность

Для цитирования: Другов А.Ю. Индонезия между идеологией и реальностью: социальное расслоение // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 4, № 3 (60). С. 64–77. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077

Original article. Historical science

INDONESIA BETWEEN IDEOLOGY AND REALITY: SOCIAL STRATIFICATION

Alexey Yu. DRUGOV¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: National and social development of the multiethnic and multi-confessional Indonesian society is characterized by disparity in at least four spheres. First – considerable and deepening difference of wealth of different layers of the society. Second – differences in the wealth level and stratification in urban and rural regions. Third – differences in the wealth levels in different regions/ Fourth – differences in economic positions of ethnical communities. These four differences are tightly mixed up.

This processes result in considerable damage for the only permitted in the country state ideology having social justice for the whole people of Indonesia as one of its five principles. The consequence is the growth of Islamist radicalism endangering unity of multinational Indonesian state.

Keywords: *social stratification, State ideology, layers of the society, ethnic communities, Islam radicalism, level of poverty, extreme poverty*

For citation: Drugov A.Yu. Indonesia between Ideology and Reality: Social Stratification. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 4, № 3 (60). Pp. 64–77. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077

Процесс социального расслоения, который сейчас активно об-суждается в политических кругах Индонезии, в принципе не является чем-то новым и представляет собой продукт многолетнего развития капиталистических отношений в стране. Индонезийские политики в своей полемике изображают его как явление, в принципе чуждое природе индонезийского общества и пятому пункту государственной идеологии панча сила, гарантирующему социальную справедливость для всего народа Индонезии (пункты государственной идеологии включены в преамбулу конституции и потому носят обязывающий характер). На деле этот процесс уже насчитывает десятки лет, национальная буржуазия существовала уже в 1950-х гг., когда к ней прибавилась бюрократическая буржуазия, преимущественно из числа военных чиновников, обогатившихся за счет национализации иностранного капитала. Резкая неравномерность в распределении сельскохозяйственных угодий существовала и в деревне.

Социальная сущность военно-авторитарного режима «нового порядка», пришедшего к власти в 1966 г., заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность процесса капиталистического накопления, используя народническую риторику, унаследованную от режима «направляемой демократии» президента Сукарно.

Когда речь идет об эпохе реформ, начавшейся с падением военного режима в 1998 г., обычно делается упор на введение многих реальных демократических свобод, что справедливо. Одновременно либерализация коснулась и общественных отношений, что нашло отражение и в основном законе. В первоначальном варианте Конституции, принятом в 1945 г., статья 33 «Социальное благосостояние» состояла из трех пунктов:

1. экономическое развитие осуществляется на основе совместных усилий и принципе семейности;
2. отрасли производства, имеющие важное государственное значение и затрагивающие существование широких слоев населения, находятся в ведении государства;
3. земля, водные ресурсы и содержащиеся в них природных ресурсы находятся в ведении государства и в максимальной степени используются для благосостояния народа.

В 2002 г. в эту статью были добавлены два пункта:

4. национальная экономика развивается на основе принципов экономической демократии, общности, справедливой эффективности, преемственности, сохранения окружающей среды, самостоятельности и соблюдения равновесия между прогрессом и целостностью национальной экономики;
5. дальнейшие положения, касающиеся осуществления этой статьи, будут установлены в законодательном порядке.

Как нетрудно заметить, четвертый пункт этой статьи обременен формулировки, допускающие весьма широкое толкование. Среди критиков этой поправки весьма красноречиво высказывается спикер Совета представителей регионов (сената) А. Ла Ньялла, который считает, что добавленные пункты открывают возможность для национального и иностранного капитала овладеть теми отраслями производства, которые затрагивают существование широких слоев населения. «И не приходится удивляться, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. Богатые – та горстка людей, которой принадлежит почти половина национального достояния». Он считает, что внесенные в основной закон изменения порушили панчасилаистскую экономику, в которой имелось четкое разделение корпоративного, государственного и частного секторов, придав ей капиталистический характер¹. Правда, при этом он игнорирует то обстоятельство, что до внесения изменений в рамках конституции 1945 г. в течение трех десятилетий в рамках «но-

вого порядка» в Индонезии бурно развивался капитализм, который и потребовал изменений, вылившихся в указанную поправку.

Это весьма характерный пример известных атавизмов во взглядах высоких представителей современной политической элиты Индонезии. В то же время его толкование четвертого пункта весьма близко к истине. Член Конституционного суда Индонезии Вахидуддин Адамс указывает, что термин «находится в ведении государства» не означает «в собственности государства», что его следует понимать в широком смысле как символ суверенного права индонезийского народа, которому принадлежат земля, вода и все богатства в них содержащиеся². Следовательно, частная собственность на них не исключается.

Проблемы, связанные с социально-имущественным расслоением в Индонезии, имеют четыре измерения, тесно переплетающиеся между собой. Первое измерение – общее распределение национального достояния между различными социальными слоями. Второе – различие в уровне социального расслоения в городах и сельской местности. Третье – различие в уровне жизни и социальном обеспечении в различных регионах. И, наконец, последнее – этнический фактор.

После народнического, как бы внеклассового в его идеологическом оформлении, режима «направляемой демократии» Сукарно, провозглашавшего своей целью строительство «индонезийского социализма», средние индонезийцы вдруг окунулись в демократию с ее гласностью, обнажившую капитализм в его индонезийском обличии. Оказалось, что демократия и социальная справедливость не увязаны между собой. Разрыв между социальными слоями раскрылся и начал нарастать. В 1990 г. 10% самых богатых граждан страны имели доход, превосходящий доход такой же по численности беднейшей группы в 5,9 раз. В 2005 и 2011 гг. этот разрыв уже составлял соответственно 7,8 и 9,5 раз³. Капитал десяти самых богатых людей в Индонезии в 2022 г. составлял в целом 84,9 млрд долларов, самый богатый из них имел 23,3 млрд, последний – 2,2 млрд⁴.

Неравенство находит свое отражение в банковских вкладах. Вкладчики с депозитами до 100 млн рупий (около 7 тыс. долларов) составляют 99%. Владельцы вкладов от пяти млрд рупий (около 350 тыс. долларов) и более составляют лишь 0,03%, но их депозиты в сумме превышают 50%⁵.

Показательны размеры состояний ряда лиц, входящих в высшие слои бюрократии. На первом месте находится министр туризма и креативной экономики Сандиаго Уно – 10,9 трлн рупий (свыше 700 млн долл.), за ним следует член Консультативного совета при президенте

Тахир (свыше 600 млн долл.). Министр обороны Прабово Субианто располагает капиталом около 140 млн долл., министр государственных предприятий Эрик Тохир – около 160 млн долл., министр-координатор по вопросам инвестиций и морских коммуникаций Лухут Панджайтан – около 60 млн долл., вице-спикер парламента Рахмад Гебел – около 40 млн долл.⁶

По данным Комиссии по борьбе с коррупцией состояния членов парламента в 2021 г. в среднем равнялись 23,4 млрд рупий (примерно 1,6 млн долл.), членов местных советов в провинциях – 14 млрд рупий – примерно 1 млн долл. Как правило, владельцы самых крупных капиталов обрели их в результате предпринимательской деятельности, предшествовавшей вхождению в органы власти, и сейчас они отчитываются лишь в стоимости принадлежащих им акций, хотя эта сумма не всегда исчерпывает реальную стоимость собственности⁷. В марте 2023 г. президент Джоко Видодо запретил государственным служащим проводить совместные празднества, посвященные окончанию мусульманского поста, указав, что они находятся под непрерывным вниманием общественности⁸.

По данным переписи 2020 г. численность населения Индонезии составляла 270,2 млн человек с ежегодным приростом 1,25%. Городское население составляло 153,2 млн человек (56%), сельское – 120,2 млн (44%).

На острове Ява по данным переписи проживали 56,1% населения, на Суматре 21,7%, на Сулавеси – 7,4%, Калимантане 6,1% на о. Бали и в Нусатенггара – 5,5%, на Молукках и в Папуа – 3,2%⁹.

По данным Центрального статистического бюро Индонезии, в сентябре 2022 г. к числу бедных относились 9,57% населения страны – 26,4 млн человек. Таковыми считаются семьи с доходом 535 547 рупий в месяц на человека – 397 125 рупий на продовольствие и 138 442 рупии на прочие нужды. Средняя численность семьи составляет 4,32, отсюда порог бедности 2 324 274 рупии в месяц¹⁰. При этом в городах к бедным в 2021–2022 гг. относились 7,60% жителей, а в деревнях – 12,5%. В марте 2022 г. в столице Индонезии Джакарте число лиц, живущих за чертой бедности равнялось 494 тыс. человек (4,6% населения города), из них около 96 тыс. к категории крайней (экстремальной) бедности (менее 20 тыс. рупий на человека в день). В то же время известные положительные процессы имеют место. В марте 2023 г. число бедных в стране составляло 25,9 млн человек. В городах они составляли 7,29% , а в сельской местности – 12,2%¹¹.

Что касается экстремальной бедности, то здесь данные разнятся. По данным Всемирного банка, в марте 2022 г. к этой категории относились 1,5% населения страны, ЦСБ называло цифру 2,04%¹². Но уже в мае 2023 г. ЦСБ сообщило, что на уровне экстремальной бедности находятся 1,74% индонезийцев¹³. Президент Джоко Видодо поставил задачу покончить с экстремальной бедностью к 2024 г.

Правительство предпринимает определенные меры для преодоления социальной отсталости сельских поселений. В течение восьми лет, начиная с 2015 г., для этого было выделено 537 трлн рупий (до 40 млрд долл.), что в среднем составляло примерно 1 млрд рупий на деревню. По официальным данным за это время число бедствующих деревень резко сократилось – с 14 047 до 4 365¹⁴. Есть, однако, препятствия. Средства, выделенные правительством на помощь беднейшим крестьянам, распределяются в соответствии с устоявшимися общинными традициями поровну, и их лишаются те, кто действительно в них нуждается¹⁵.

Но это касается не только деревень. Министр Абдулла Азвар Аббас, на ведомство которого возложено совершенствование и реформирование государственного аппарата указывает, что из 500 трлн рупий, которые ежегодно выделяются на борьбу с нищетой, значительная часть расходуется не по прямому назначению, а на многочисленные конференции, семинары и командировки из областных центров в столицу. В то же время главная их цель заключается в том, чтобы повысить покупательную способность беднейших семей, обеспечить их, в частности, детским питанием. Но до них эти средства не всегда доходят¹⁶.

Социально-экономическое неравенство имеет в Индонезии географическое измерение, которое в ряде случаев перерастает в геополитический фактор. Если, как говорилось ранее, в стране в целом к числу бедных относятся 9,57% населения, то более высокий уровень бедности в 2021 г. отмечался в 10 провинциях – Папуа (27,4%), Западное Папуа (21,8%), Юго-Восточная Нусатенггара (20,4%), Молуккские острова (16,3%), Аче (15,5%), Горонтало (15,4%), Бенкулу (14,4%), Западная Нусатенггара (13,8%), Южная Суматра (12,8%), Центральный Сулавеси (12,2%), Самый низкий процент отмечался на Южном Калимантане (4,6%), Банка-Билитунг, Столичный округ Джакарты и Бали (4,7%)¹⁷.

В то же время на Яве в 2022 г. этот уровень составлял 11,5% в Джокьякарте, 11,0% на Центральной Яве, 8% на Западной Яве, 6,2% в Бантене¹⁸.

Таким образом, самый высокий уровень бедности отмечался в восточных районах, в этническом, конфессиональном и социально-культурном отношении весьма отличающихся от остальных провинций. Так, в январе 2012 г. сообщалось, что только в одном из районов (кабупатенов) провинции Папуа до 20 тысяч детей страдали задержкой роста (stunting), причем 70 из них погибли.

Аналогичная ситуация возникает в сфере образования. Если в 2017 г. в Индонезии было 2,07% неграмотных граждан в возрасте от пяти до 59 лет, то в Папуа эта цифра достигала 28,75%, в провинции Западная Нусатенггара – 7,91%, Восточная Нусатенггара – 5,15%, Западное Сулавеси – 4,58%. Для сравнения – на Центральной Яве – 2,20%¹⁹.

Заместитель председателя Народного консультативного конгресса Шариф Хасан указывает, что причиной вооруженного сепаратизма в Папуа служит неравномерность развития. «В основе всех проблем там лежит бедность, отставание в жизненном уровне. Поэтому они и хотят отделиться от нашего государства»²⁰. Конечно, экономический фактор не исчерпывает всего комплекса причин сепаратизма, но мнение парламентария неоспоримо.

В феврале 2021 г. в провинции Аче (северная оконечность о. Суматра) жители возложили у резиденции губернатора венки в знак поздравления его «с победой в соревновании за титул беднейшей провинции острова» (здесь к категории бедноты относились в то время 15,43% населения)²¹. Отметим, что ситуация в Аче характеризуется самым высоким в стране уровнем исламского консерватизма. Это единственная провинция в Индонезии, где законы шариата применяются в полном объеме, включая публичные телесные наказания.

Индонезийский социолог Иксан Туалек считает, что подобная ситуация в регионах, располагающих весьма значительными природными ресурсами, складывается под влиянием двух факторов. Первый – готовность людей довольствоваться минимумом жизненных благ и нежелание прилагать усилия к улучшению своей участи. Второй – коррупция, кумовство и групповщина в государственных структурах, где чиновники не прилагают необходимых усилий для преодоления ситуации²².

Обратим особое внимание на первый пункт – готовность людей довольствоваться минимумом жизненных благ. Приведенные выше примеры с Аче и Папуа свидетельствуют об обратном. Но если выводы социолога отчасти верны, то здесь возникают два вывода. Первый – государство, общество недостаточно прилагают усилий для по-

вышения политической культуры граждан, если под этим термином в данном контексте понимать их самоидентификацию как достойных и равноправных субъектов политического и социального развития. Второй – недооценка уровня социального недовольства на уровне «корней травы». Беднота, в особенности, сельская, не всегда выходит на улицы с социально-экономическими требованиями, но уровень протестных настроений достаточно высок, и они нередко выливаются в акции жестокого насилия, в том числе и по поводам, отнюдь не связанным с условиями жизни. Нередки сообщения о жестокой расправе толпы с мелкими преступниками.

Президент Джоко Видодо уделяет большое внимание проблеме неравномерности территориального распределения населения и производственных ресурсов и мощностей: и в том и в другом случае 56-58% сосредоточено на Яве, площадь которой составляет около 7% индонезийской суши. Отсюда неравномерность в занятости и доходах населения, которая в существенной мере совпадает с этническими различиями. Этим обстоятельством, в частности, вызвано принятое по его инициативе решение о переносе столицы государства из Джакарты на восточный Калимантан.

Выравнивание уровней экономического развития Джоко Видодо выдвигает в качестве неотложной задачи, поставив на первый план развитие транспорта и инфраструктуры в целом по стране. Выступая на конгрессе Национального движения студентов Индонезии 15 ноября 2017 г., он указал, что это не только экономическая проблема, но и путь упрочения единства Индонезии. «Без надлежащей инфраструктуры как мы можем объединить 714 этносов нашей страны?», задал он риторический вопрос и привел в качестве примера, что стоимость одного литра бензина в центральных районах Папуа достигает 60–100 тысяч рупий (4–7 долларов), против 6450 рупий на Яве. По его данным, логистические и транспортные расходы в Индонезии в два-два с половиной раза превосходят аналогичные расходы в соседних странах, что делает Индонезию недостаточно конкурентоспособной²³. Добавим, что в этом одна из причин (хотя далеко не единственная) того обстоятельства, что в Папуа уже более полувека продолжается вооруженное сепаратистское движение.

Против программы Джоко Видодо выступила оппозиция. Партия справедливости и процветания обвинила правительство в том, что, в частности, в провинции Папуа оно сосредотачивается на физическом развитии, не обращая должного внимания на низкий уровень здравоохранения и хроническом недоедании жителей региона. «Недоедают

они у нас на глазах, а инфраструктура – дело долгое»²⁴. В качестве контраргумента можно констатировать, что недоедание и отсутствие должной медицинской помощи одной из своих причин имеют как раз низкий уровень развития инфраструктуры, прежде всего, дорог и энергетики. В одном из выступлений президент обозначил развитие инфраструктуры как один из подходов к обеспечению справедливости в отношениях между регионами²⁵.

Специфическим аспектом социального расслоения в Индонезии является преобладание в предпринимательской среде этнических китайцев. По данным, которые огласил бывший вице-президент Юсуф Калла, китайская община, составляющая по численности 4,5% населения страны, контролирует более 50% экономической деятельности. Он привел для сравнения Малайзию, где китайцы, составляющие 30% населения, контролируют 60% экономики²⁶. Из десяти самых богатых граждан Индонезии восемь – этнические китайцы, один коренной индонезиец и один этнический индиец²⁷. Самый богатый человек в стране Лоу Тук Квонг в 2023 г. обладал состоянием равным 25,5 млрд долларов и занимал 54 место среди богатейших людей в мире²⁸.

Но это лишь одна сторона проблемы. Как обоснованно писал австралийский исследователь Ян Вильсон в статье, опубликованной в газете «Джакарта пост» 23 апреля 2017 г., во времена «нового порядка» этнических китайцев «использовали как козлов отпущения, когда режим оказывался неспособен возместить урезывание политических свобод экономическим развитием и отвлечь внимание от систематического расхищения достояния страны семьей Сухарто и иже с ними. Сейчас эта традиция возрождается путем распространения теорий заговора через проповеди в мечетях и в средствах массовой информации».

В Индонезии сложности повседневного существования рядовой индонезиец нередко воспринимает через китайского дельца или торговца. Это порождает постоянную латентную напряженность, в которой тесно переплетаются социальные, этнические и религиозные факторы. Осложнения экономической и политической ситуации в стране нередко сопровождаются антикитайскими погромами. На этнических китайцев толпа выплескивает озлобление, вызванное посторонними причинами. Сотни китайских лавок были сожжены в ходе выступления против режима Сухарто в мае 1998 г., хотя китайская община подвергалась преследованиям со стороны военного режима. Магазины и лавки, принадлежавшие китайцам, громили и жгли демонстранты, протестовавшие против принятия парламентом закона о создании но-

вых рабочих мест в 2020 г. Весьма яркий пример события 2017 г., когда в кампании по выборам губернатора Джакарты соперники Басуки Чахайя Пурнама, этнического китайца и протестанта по вероисповеданию, апеллируя к радикальным исламистам, добились не только его поражения, но и тюремного заключения.

Вывод, который сделал цитировавшийся выше Ю. Калла, – необходимость вовлекать коренных индонезийцев в предпринимательскую деятельность, и это он считает главным вызовом. «Конечно, этнические китайцы наши друзья, они платят налоги, создают рабочие места. Проблема не в них, проблема в нас». Добавим, что нам неизвестны случаи конкретных обвинений китайской общины в действиях, противоречащих национальным интересам страны.

Одним из самых важных последствий демократизации в Индонезии стал доступ населения к информации, в том числе и касающейся социального расслоения. Услугами интернета пользуются сейчас 78,2% индонезийцев или 215,6 млн человек²⁹. Это, в частности, означает, что информация о социальном, имущественном неравенстве становится достоянием самых различных слоев общества. Добавим к этому средства массовой информации, включая телевидение.

Эти проблемы затрагиваются на самом высоком уровне. Представляется весьма обоснованным анализ Ю. Калла, который в бытность свою вице-президентом страны признал в 2017 г., что из пяти принципов государственной идеологии пятый принцип – социальная справедливость для всего народа Индонезии осуществляется в наименьшей степени. Следствием этого, по его справедливому мнению, становятся различные конфликты, в основе которых лежат не религиозные противоречия, а экономическая или политическая несправедливость³⁰. Действительно, не находя осуществления принципа социальной справедливости в рамках государственной политической системы, люди обращаются к Всевышнему, перед которым все равны, и на этом основании требуют перемен.

Видный политический мусульманский деятель, бывший спикер Народного консультативного конгресса Амин Раис признает, что социальная справедливость в Индонезии существует только в речах политических лидеров, в реальности же богатство четырех человек равно достоянию 100 миллионов их сограждан³¹.

Спикер Совета представителей регионов Ла Ньялла, выступая перед студентами в сентябре 2021 г., заявил, что социальная несправедливость в стране пронизывает общество, и она исходит от кучки олигархов, во власти которой находится жизнь большинства людей,

хотя социальная справедливость была обозначена в качестве одной из целей при рождении индонезийского государства. Власть олигархов зиждется на владении неограниченными капиталами, почерпнутыми из национальных богатств³².

Заместитель председателя Партии Великой Индонезии (индонезийское сокращение Гериндра), той самой партии, глава которой Прабово Субианто является министром обороны, а в 2024 г. будет в третий раз баллотироваться на пост президента, говорил в 2020 г.: «Демократия в нашей стране обходится весьма, весьма дорого. Те, кто претендует на публичные посты, обычно люди богатые, располагающие капиталами, или же за ними стоят денежные мешки. Честно говоря, нашей страной управляют денежные мешки»³³. В том же духе высказывается социолог Янус Сиахаан в статье «В тени олигархов». Он считает, что в стране олигархи сильнее правительства и избираемых органов власти, тем более, что избрание последних происходит благодаря вмешательству тех же олигархов. Здесь не правительство определяет направление развития национальной экономики, а именно олигархи, которые маскируют свои интересы, выдавая их за национальные³⁴.

Практически во всех приведенных выше высказываниях, исходящих от людей, отнюдь не являющихся жертвами социальной несправедливости, звучит мысль, что социальное расслоение противоречит истинной природе индонезийского общества, государственной идеологии, является отходом от нее. При этом игнорируется то обстоятельство, что эта идеология служила трем предыдущим режимам, в том числе и военно-авторитарному «новому порядку, который объявил панча сила единственной разрешенной идеологией и внес решающий вклад в упрочение капиталистического пути развития индонезийского общества со всеми присущими этому укладу диспропорциями. Падение «нового порядка» не было революцией – у власти остались те же социальные силы, вынужденные видоизменить методы управления с учетом изменений, которые претерпело общество.

Реальности социальных процессов в индонезийском обществе ставят под удар монополию государственной идеологии и, самое главное, ее восприятие массами. Спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Сусатьо, говоря об осуществлении панча сила и, в частности, принципа социальной справедливости, указывает, что государственная идеология должна не быть предметом оживленных дискуссий при весьма вялом претворении в жизнь, а осуществляться в

реальных делах, не оставаясь заученными формулами³⁵. Он не одинок в своих оценках.

Ситуация в этом смысле действительно становится тревожной. Министр-координатор по правовым и политическим вопросам и безопасности Махфуд М.Д. сообщил, что радикальные воззрения развиваются в среде учащихся школ и студентов высших учебных заведений, эти взгляды направлены против правительства, государственной идеологии и Единого государства Республики Индонезии³⁶. Опрос, проведенный аналитическим центром *Setara Institute*, показал, что 83,3% учеников старших классов средней школы не считают государственную идеологию чем-то постоянным и не подлежащим замене. При этом 53,3% полагают, что шариат может стать основой государственного устройства³⁷.

В этот одна из тех реальных угроз, которые порождает социальное неравенство. Шариат выступает как единственная реальная альтернатива существующему положению дел, и в этой связи заслуживает особого внимания тот факт, что эта тенденция обозначает себя в среде молодежи, имеющей доступ практически ко всем источникам современной информации и не находящей в них достойную альтернативу существующей реальности.

Усиление исламизма в условиях мультиконфессиональной, мультиэтнической и мультикультурной Индонезии создает угрозу для национальной и территориальной целостности. Ислам, хотя и является религией абсолютного большинства населения страны, сосуществует еще с пятью мировыми религиями (католичество, протестантизм, индуизм, буддизм и конфуцианство), множеством верований и обычным правом (адат). Национальный девиз «Единство в многообразии», высеченный на государственной гербе, более чем актуален и для религиозной сферы. Исламский радикализм как следствие социально-экономических противоречий создает угрозу для целостности страны, поскольку религиозные различия во многих случаях переплетаются с этническими.

Косвенным свидетельством этой угрозы может служить инициатива Министерства обороны и командования сухопутных войск Индонезии, которые в начале 2023 г. выступили с проектом создания военных округов в каждой из 38 провинций (сейчас число округов – 15). Военные округа в условиях островной Индонезии суть структуры, принадлежащие сухопутной армии, они в меньшей степени заострены на внешнюю угрозу, нежели флот и авиация. Начальник службы информации сухопутных войск бригадный генерал Хамим Тохари, обос-

новывая эту инициативу, ссылался на то, что помимо чисто военных функций армия призвана выполнять задачи по урегулированию социальных конфликтов³⁸. Если это предложение будет осуществлено, это приведет к сращиванию на местах гражданского и военного аппарата. Другое следствие – безмерный рост офицерского состава, в особенности старшего и высшего офицерства.

В национальных масштабах это означает рост роли армии как самостоятельного политического субъекта вопреки реформам последней четверти века. Отметим, что по данным индонезийского агентства *Indikator* на июнь 2023 г. вооруженные силы сохраняют первое место по уровню доверия общественности – 95,8% опрошенных, в том числе высокий уровень – 23,5%, достаточно высокий – 72,3%. Уровень президента – 92,8% (21,8 + 71,5%), генпрокуратуры – 81,%, полиции – 76,4%. Политические партии и парламент находятся значительно ниже. Парламентарий Мухаммад Насир Джалил (мусульманская Партия справедливости и процветания) объясняет это тем, что в отличие от полиции, с армией население не сталкивается в повседневной жизни и, соответственно, нет причин для недовольства.

В то же время не прослеживается конкретных мер по преодолению социальных проблем и их политических последствий. Если в марте 2023 г. к категории бедных в Индонезии относилось 25,9 млн человек против 26,42 млн в марте 2022 г. (сокращение на полмиллиона), то индекс *GINI*, характеризующий социальное неравенство, возрос с 0,393 до 0,409³⁹. В предвыборных кампаниях конкуренция между партийными коалициями идет по преимуществу, если не исключительно, вокруг постов во главе страны, мест в парламенте, личностей кандидатов, но не о программных установках партий, не о социальных и экономических проблемах и методах их решения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 28.08.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023;
принята к публикации 29.09.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yu. DRUGOV, DSc (Politics), Chief Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 28.08.2023;
approved 15.09.2023;
accepted to publication 29.09.2023.

¹ DetikNews, 13.12.2021.

² Republika (Jakarta), 14.01.2022.

³ Suara Pembaruan (Jakarta), 10.01.2014.

⁴ Kompas (Jakarta), 28.10.2022.

⁵ Republika (Jakarta), 17.05.2022.

⁶ Detik News, 14.06.2023.

⁷ Berita Satu, 08.09.2021.

⁸ Detik News, 27.03.2023.

⁹ Kompas, 19.05.2021.

¹⁰ Detik News, 16.02.2022.

¹¹ Kompas, 15.05.2023. 12.08.2023.

¹² DetikNews, 25.05.2023.

¹³ Kompas, 08.05.2023.

¹⁴ Detik News, 26.05.2023.

¹⁵ Detik News, 14.02.2023.

¹⁶ Detik News, 30.01.2023.

¹⁷ Kompas, 03.03.2022.

¹⁸ Kompas, 18.01.2023.

¹⁹ Antara News, 11.09.2017.

²⁰ Detik News, 19.04.2023.

²¹ Detik News, 17.02.2021.

²² Kompas, 18.02.2023.

²³ Antara News, 15.11.2017.

²⁴ Suara Merdeka (Semarang), 27.01.2018.

²⁵ Republika, 14.02.2018.

²⁶ Detik News, 13.05.2023.

²⁷ Republika (Jakarta), 14.05.2023.

²⁸ Kompas, 10.03.2023.

²⁹ Detik News, 17.05.2023.

³⁰ Republika, 26.09.2017.

³¹ Republika, 25.05.2020.

³² Detik News, 26.09.2021.

³³ Berita Satu, 11.01.2020.

³⁴ Kolom, 01.11.2021.

³⁵ Detik News 03.08.2022.

³⁶ Detik News 06.07.2023.

³⁷ Republika, 18.05.2023.

³⁸ Kompas, 23.05.2023.

³⁹ The Jakarta Post, 08.08.2023.